

Михаил  
АРЦЫБАШЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ  
ВОЛНА

RUGRAM

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
А88

**Арцыбашев, М.П.**

А88 Человеческая волна / М. П. Арцыбашев. — М. : Т8 Издательские технологии/ RUGRAM, 2021. — 178 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72636-8

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Михаила Петровича Арцыбашева «Человеческая волна».

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72636-8

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

---

## I

Можно было забыть, что через несколько часов город будет разгромлен пушками, что на тротуарах будут валяться окровавленные трупы, что жизнь приняла странные и тревожные формы, что судьба каждого человека висит на волоске, но нельзя было забыть, что на земле стоит теплый, весенний вечер, в потемневшем небе тихо зажигаются звезды, от газонов бульвара тянет густым, пряным запахом земли, с моря дует теплый, почти летний ветер и дышится так легко, как может дышаться только теплой, тихой и ясной весной.

И оттого самые страх и тревога принимали форму любопытного и бодрого оживления, а идя через городской сад и глядя вверх, где между черными веточками, отчетливо чеканящимися в воздушно-синем просторе, золотистыми искорками мигали звезды, студент Кончаев думал не о том, что будет завтра, не о взбунтовавшемся броненосце, серые трубы которого и в весеннем сумраке жутко чернели далеко на море, не о многоголосой толпе, из которой он только что вырвался и гул которой все еще стоял у него в ушах, а о том, что на свете есть радость и красота.

---

И в душе у него было такое чувство, точно где-то тут, вокруг него, во влажном, свежем и темно-прозрачном воздухе весеннего вечера невидимым хороводом обвиваются, улыбаясь и маня, милые, нежные девушки и гибкие, лукавые женщины сладострастных снов. Грудь дышала легко и глубоко, по телу распространилась какая-то мечтательно-сладкая истома, и хотелось чего-то сильного, красивого и страстного до восторга.

«Хорошо, интересно жить!» — бессознательно чувствовал Кончаев.

Ему захотелось сейчас же, никуда не заходя, пойти в тот знакомый переулок, где жила Зиночка Зек, потихоньку вызвать ее на темную улицу, рассказать ей что-то хорошее, задушевное и в сумраке близко смотреть на нежное, молодое, как весна, личико с большими, как будто радостно удивленными светлыми глазами и мягкими пушистыми волосами, что двумя недлинными косами перекинuty через гибкие плечи на невысокую молодую грудь.

Но Кончаев сейчас же вспомнил, что раньше надо разыскать доктора Лавренко и передать ему предложение комитета об организации летучего санитарного отряда.

Ему сделалось немного стыдно, что он чуть было не забыл о важном большом деле, но так было сильно в нем радостное, весеннее чувство, что и сам доктор, и летучий лазарет, и завтрашнее страшное и кровавое дело никак не укладывались в его мозгу и все казались ему короткими, мелкими, которые сейчас пройдут и исчезнут, и тогда можно будет делать самое важное и интересное: идти к Зиночке Зек, вызвать ее на темную, тихую и теплую улицу.

Сдвинув шапку на затылок, распахнув пальто и бессознательно, но радостно, чувствуя себя сильным и красивым, Кончаев повернул за угол и сразу увидел желтые огни ресторана, где, как он отлично знал, всегда можно найти доктора Лавренко.

В ресторане было очень мало народу все ушло на улицы, набережные и бульвары, и оттого ресторан казался по-праздничному прибранным, чистым, а открытые окна, от которых глаз отвык за зиму, придавали ему особенный, свежий и праздничный вид. Зато в бильярдной, несмотря на раскрытые окна, было по-обычному душно, накурено и шумно. Игроков было много, и их напряженные потные лица, со странным полубезумным огоньком в глазах, поразили Кончаева.

«Вот уж ничто их не берет!» — со смешливым и чуть-чуть презрительным недоумением подумал он.

Доктор играл за вторым бильярдом, и когда Кончаев его увидел, Лавренко, перегнув над ярко-зеленым сукном бильярда свое большое ленивое тело, уверенно и странно ловко для такого большого неуклюжего человека целился в дальний шар, красиво маячивший на ровном зеленом поле.

«...Тра-тах!» — щелкнули шары и разбежались во все стороны торопливо и весело, как живые.

Кончаев сзади взял доктора за локоть.

— А, шо? — лениво спросил Лавренко, оборачиваясь. — А, это вы!

— Я, здравствуйте!.. Послушайте, доктор, вы скоро кончите?.. Мне с вами надо поговорить...

Сейчас, не поворачиваясь и не спуская глаз с повисшего над лузой шара, ответил Лавренко и пошел кругом бильярда.

— Четырнадцать в угол налево, — громко и отчетливо выкрикнул он, не обращая внимания на Кончаева, и с особой своеобразной грацией хорошего бильярдного игрока вперед и назад взмахнул кием.

Белый шарик, как белая молния, мгновенно мелькнул по зеленому полю и с характерным треском скрылся в лузе.

— Партия! — торжественно провозгласил маркер и длинной машинкой загреб остальные шары к борту.

Высокий черный армянин, партнер Лавренко, с досадой швырнул свой кий на сукно. Лавренко с минуту стоял, опершись кием на бильярд, и самодовольно глядел, на армянина. Потом с сожалением глубоко вздохнул и, тихо положив кий, отошел к умывальнику.

— Ну, голубь мой, в чем дело? — мягким и ленивым голосом спросил он у Кончаева, старательно вытирая полотенцем пухлые, как у булочника, безволосые и белые руки.

— Тут неудобно, — сдержанно и выразительно ответил Кончаев, искоса оглядываясь, — пойдемте лучше пройдемтесь.

Лавренко опять тяжело вздохнул, посмотрел на бильярд, которым уже завладели какие-то люди с сомнительными жадными физиономиями, и с усилием стал натягивать заворачивающееся пальто на свои круглые, как у пожилой толстой бабы, массивные плечи. Маркер подержал ему рукав.

— Анатолий Филиппович, время за кем прикажете? — спросил он, и по его почтительно фамильярному тону видно было, что доктор Лавренко тут свой человек.

— За ними, за ними, Иван, машинально, но почему-то очень грустно отзывался Лавренко.

Они медленно вышли на темную улицу, и сразу им в лица пахнуло свежестью, ветром и смешанным запахом сырости и тепла. Фонари не горели, и земля была черна, как тьма, но отовсюду во мраке слышались голоса и смутно виднелись живые тени.

Все было странно и необычно: и мрак, и закрытые окна магазинов, и громкие возбужденные голоса, и необычное таинственное движение невидимых, но чувствуемых вокруг людей. В этом было что-то лихорадочное, пугающее, но возбуждающее сердце к каким-то нссознанным порывам. Как будто над городом пронеслось что-то свободное и, одним взмахом невидимого могучего крыла сметя всю привычную аккуратную жизнь с ее порядком, равномерным шумом и тусклыми огнями, открыло жизнь новую, загадочную, тревожную и бодрую, в которой было что-то похожее на пред-рассветную зыбь в море.

Чем дальше углублялись во тьму улиц Лавренко и Кончаев, тем сильнее охватывало их радостное оживление. Вокруг в темноте двигались целые толпы, слышались голоса и смех, изредка то близко, то далеко вспыхивало и обрывалось начало песни. Было похоже на какой-то ночной праздник, и в темноте все люди казались одинаковы и одинаково радостны и бодры.

Кончаев, как молодая собака в поле, чутко поворачивал во все стороны голову.

— А здорово, ей-Богу! — вскрикнул он молодым восхищенным голосом.

— Да!.. Надолго ли только?.. — тихо пробормотал Лавренко.

— Ну, что ж?.. Все равно! — еще громче, еще моложе крикнул Кончаев, коротко и бесшабашно махнув рукой. Важно то, что все почувствовали, что такое свободная жизнь, почувствовали, как с нею и все становятся лучше, общительнее, интереснее... Этого уж не забудут, а все остальное чепуха.

— Верр-но! — необычайно внушительно и так неожиданно близко, что Лавренко даже отшатнулся, прогремел из темноты громадный бас. — Р-руку, товарищ!..

Перед ними выросло несколько темных, как будто безличных силуэтов, и кто-то нашел и сжал руку Кончаева твердой шершавой ладонью.

— Свобода, а на все прочее начхать!.. Правильно я говорю, товарищ? — пробасил голос.

— Правильно, товарищ! — задушевно и ласково отозвался Кончаев.

— Пушай завтра все помрем, а уж мы им покажем, сказал еще чей-то голос, такой же молодой и задорный, как у Кончаева.

— Да, да... тяжело вздыхая, согласился Лавренко.

Они разошлись, но у Кончаева еще долго сердце билось восторженно и на глазах выступали слезы. Взять хоть одно это слово: «товарищ», — прерывисто говорил он, глядя перед собой в темноту широко раскрытыми, влажными глазами, только в такое время люди чувствуют, что они действительно товарищи...

— По несчастью... — с тихой иронией подсказал Лавренко. — Впрочем, вся жизнь человеческая несчастье, — прибавил он задумчиво.

— Ну, так что же вы мне скажете, голубь мой? — спросил он, когда они дошли до бульвара и остались одни среди еще черных прозрачных деревьев и запаха первой травы перед лицом далекого звездного неба.

Днем отсюда было видно открытое, голубое море, на которое каждый день приходил подолгу смотреть Лавренко, но теперь было темно и только по тому, как низко, точно подвешенные над какой-то пустотой, блестили звезды, чувствовалось оно. Горизонта нельзя было отделить от черного неба, и все сливалось в одну воздушную безграничную пустоту. Далеко, далеко внизу слабо светились два неподвижные огонька, красный и зеленый.

— Вон видите, — оживленно и быстро сказал Кончаев, протягивая куда-то во мрак руку, — это, должно быть, на броненосце.

По звуку его голоса можно было догадаться, как блещат у него глаза и горят щеки.

Лавренко тяжело вздохнул в темноте. Лица его тоже не было видно, но чувствовалось, что оно тревожно и грустно.

— Что-то будет, что-то будет, голубь мой, — тихо и печально проговорил он.

— Ну, вас, кажется, это не очень беспокоит, — вспоминая бильярд, смешливо возразил Кончаев.

Лавренко вздохнул еще глубже и промолчал.

— Так вот что, доктор, — заговорил Кончаев, беря его под толстую теплую руку, и, сразу меняя тон на серьезный и даже неестественно торжественный, передал Лавренко распоряжение комитета.

Лавренко слушал молча, а когда Кончаев замолчал, опять тяжело вздохнул.

Эти вздохи почему-то раздражали Кончаева.

— Да что вы все охаете, доктор? — досадливо спросил он, выпуская его руку.

— Да что, голубь мой, — искренно и мягко ответил Лавренко. — Грустно все-таки...

— Что ж тут грустного?

— Будут стрелять, народу перебыют много, а что из того? Для чего?

В его всегда ленивом голосе зазвенели и сорвались страстные и скорбные нотки.

«Вот... а сам только и делает, что на бильярде играет!» — удивленно мелькнуло в голове у Кончаева, и тихая задумчивость залегла у него в душе, точно кто-то задал ему глубокую и печальную загадку.

— Но вы, однако, предложение комитета принимаете все-таки? — озабоченно встряхнув головой, после долгого молчания спросил он.

Лавренко ответил не сразу.

— Об этом что говорить... — медленно ответил он. — Хотя, по правде сказать, трудно это для меня.

— Почему?

— Ленив я очень, — улыбаясь в темноте, ответил Лавренко, — а главное, что греха таить, боюсь... Боюсь, голубь мой... Вы знаете, чем это кончится... Нас, конечно, разобьют, потому что силы у нас мало, организация слабая, а тогда, если не убьют раньше, многих постигнет такая расправа, что... Ну, да что об этом говорить! — повторил, махнув рукой, Лавренко. — Вы куда теперь?

Смутная тревога шевельнулась в мозгу Кончаева. Но он опять встряхнул головой и ответил: